
СТАЛИНСКИЙ МИФ: ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВОЖДЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Пападопулу И.

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье исследуется конструирование и репрезентация портрета вождя в советской литературе сталинского времени. Истоки официального образа Сталина рассматриваются под призмой анализа современной мифологизации, описанной Р. Бартом. Также исследуются некоторые особенности функционирования советской литературы в построении и укреплении культуры личности, где метод социалистического реализма служит функцией общественной институции, которая, подобно мифу, пересоздает действительность, заявляя, что «прекрасное — это наша жизнь». Статья написана с целью систематизации того, что уже было рассмотрено другими исследователями и имеет общую основу, устанавливающую отношения между факторами поля литературы во взаимоотношении с полем идеологии и полем власти.

Ключевые слова: политический миф, образ Сталина, социалистический реализм, культ личности

Можно с уверенностью отметить, что официальный образ Сталина является самым «стилизированным» образом правителя в XX в. Исходной точкой освещения данной проблемы становится мысль, сформулированная Ю. Лотманом о том, что политизация эстетики и эстетизация политики — два лика одной «мифопорождающей» системы, которая мифологизирует реальность.

Начиная с 1930-х гг. и до Отечественной войны, «сталиниана», «сталинщина» или «сталиниада», как часто в исследовательской среде принято называть дискурс о Сталине, обрела статус «направления» в советском искусстве. Культ Сталина в момент своего зарождения может рассматриваться как логическое завершение дебатов и соперничества 1920-х гг., тогда, когда Сталин был первым среди равных, осью новой системы, но еще не наделялся той личной харизмой и почти сверхчеловеческой властью, которые он приобрел с середины 1930-х гг.

В 1929 году, получившем в истории определение «год великого перелома», торжественно отмечалось пятидесятилетие Сталина. Он тогда провозглашается вождем и учителем, а уже с 1934 г., согласно Дж. Девлину, славословия стали обязательным компонентом сталинской политической риторики. Исследователь выявляет, что точкой опоры для культа Сталина стала речь С. Кирова в 1934 г., на VII «съезде победителей», на котором он восхвалял Сталина за исключительные качества его руководящей деятельности [5. С. 215, 216]. На этот вопрос существует и другая точка зрения Е. Добренко, который считает, что ключевым моментом в риторике славословия стала статья К. Радека от 1 января 1934 г. в «Правде» под заголовком «Зодчий социалистического общества».

К этому времени был создан ритуальный образ вождя, который все больше и больше становился олицетворением государства, страны и революции. Также к

этому времени утверждается метод соцреализма, который служит осуществлению социальных функций искусства, ставя главной своей целью реализацию пропаганды выдвигаемых сверху задач. Этот метод стал важнейшей институцией по производству социализма. Соцреализм наподобие функции мифа, целенаправленно пересоздает мир, лакирует реальность через ее эстетизацию и мифологизацию.

Политическое мифотворчество, ставшее значительным элементом политической культуры с середины 1930-х гг., опирается на традиции 1920-х гг. В 1930-е годы создаются ключевые мифы советской власти, в них главным образом входит сакральный образ Ленина. М. Зиолковски отмечает, что «официальный образ Сталина стремительно уподобляется стилизованной репродукцией уже давно стилизованного образа Ленина» [10. С. 16]. Генезис официального образа вождя, начиная еще с 1920-х гг., можно отнести к самому Сталину. Сталин и его соратники стремились консолидировать свою власть путем присвоения ленинского наследия и постоянными ссылками на него [5. С. 214]. Сталин выделяет и прославляет определенные черты Ленина, приписывая затем их себе, в статье о Ленине, Сталин называл его «горным орлом»: «Ленин... руководитель высшего типа, *горный орел*, не знающий страха в борьбе и смело ведущий партию по неизведанным путям русского революционного движения». С тех пор данное определение приписывалось ему самому. В политическом портрете Ленина мы обнаруживаем автопортрет Сталина, и теперь на Ленина можно смотреть только через сталинскую проекцию.

Основополагающим, лаконичным, афористично сформулированным оказался тезис французского писателя А. Барбюса, который в известной биографии Сталина пишет: «Сталин — это Ленин сегодня». Этой мысли дал развитие М. Горький. В своих статьях о Ленине Горький указывал на железную и гибкую логику Ленина и на почти сверхъестественные качества лидера пролетариата, который предвидит будущее. Именно эти ленинские качества лягут в фундамент официального образа Сталина: железная логика и способность предвидеть будущее. Несомненно, создание соцреалистического канона было бы невозможно без вклада М. Горького, авторитет которого в начале 1930-х гг. не имел себе равных, на него ссылались и его цитировали не меньше, чем Ленина и Сталина. Он с поразительной убедительностью привнес энергию революционной культуры в русло сталинской эстетики соцреализма. В данном контексте Сталин стал «самым верным учеником Ленина» и «самым верным соратником Ленина». О Сталине Горький пишет: «Он глубже всех понял: подлинно творческой может быть только истинно и чисто пролетарская, прямолинейная энергия, обнаруженная и воспламененная Лениным. Отлично организованная воля, пронизательный ум великого теоретика... поставили его на место Ленина» [4. С. 98].

Художник Ю. Анненков по заказу советской власти в 1921 г. должен был написать портрет Ленина. В своих воспоминаниях он описывает эту встречу с ним, говоря, что Ленин хотел, чтобы художник изобразил его таким, каким он был в жизни. «Я — жертва нашей партии, — продолжил Ленин, — она заставляет меня позировать художникам. Скажите, в чем будут мои обязанности и как вы хотите меня изобразить?» — спрашивает Ленин художника, который отвечает Ленину,

что хочет, изображая вождя революции, олицетворить в его образе движение и волю революции. Художник говорит: «Право и привилегия художника — создавать образы и даже легенды. Если наши произведения оказываются в противоречии с правдой, то будущее наказывает за это, прежде всего, нас самих» [8. С. 1168, 1169]. Если Ленин был олицетворением «движения и воли революции», то Сталин стал олицетворением величия и мощи коммунистического государства.

Анализируя становление и природу сталинского мифа, Дж. Девлин доказывает, что культ Сталина является классическим примером политической мифологизации. Как и традиционные мифологии, данная мифология легитимизировала власть, вдохновляла и мобилизовала массы, создавая сообразные общественные ритуалы [5. С. 213]. Главная задача мифа заключается в том, чтобы задать образцы, модели для всякого важного действия, совершаемого человеком, миф служит для ритуализации повседневности, давая возможность человеку обрести смысл в жизни. Согласно французскому постструктуралисту Р. Барту, мифы современности служат не разрешению, не изживанию противоречий, а их «натурализации» и оправданию. Поэтому в настоящее время мифологизируется не природа, а социальная и эмоциональная жизнь человека. Р. Барт указывает на то, что современный миф способствует преобразованию мира, являясь определенной семиологической системой, претендующей на то, чтобы превратится в систему фактов, он «способен быть в согласии с миром — не с тем каков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать» [1. С. 283, 284]. Соцреалистический образ Сталина, подобно современному мифу, соответствует действительности не той, какова она есть на самом деле, а той, какой ее хотят сделать в великом коммунистическом будущем.

Наиболее четко специфика мифа проявляется в древних культурах, где мифы функционируют и регулируют общество, являясь эквивалентами науки. Они представляют собой цельную систему, в понятиях и эталонах которой воспринимается и описывается весь мир. Позднее, когда из мифологии вычленяются такие формы общественного сознания, как искусство, литература, наука, религия, политическая идеология, они удерживают ряд мифологических моделей, своеобразно переосмысляемых при включении в новые структуры. Таким образом, классический миф переживает свою вторую жизнь и функцию.

Особый интерес представляет трансформация мифа в художественной литературе. Мифологию нельзя мыслить вне слова, поэтому она принадлежит словесности и поэзии, поскольку мифология осваивает действительность в формах образного повествования, она близка художественной литературе; исторически она предвосхитила многие возможности литературы и оказала на ее развитие всестороннее влияние. Определяя современную мифологизацию, Р. Барт говорит, что миф — это слово. Для современного мифа важным является не предмет его сообщения, а способ, которым это сообщение высказывается. Только человеческая история превращает действительность в слово, она и только она властна над жизнью и смертью мифического языка. Как считает Барт, «уходя или не уходя корнями в далекое прошлое, мифология обязательно зиждется на историческом основании, ибо миф есть слово, избранное историей» [1. С. 234]. Философ устанавливает связь между мифом, который исходит из коллективного бессознательного, необъяснимым разумом, с историей, которая, в свою очередь, апеллирует

к логике и истине, основываясь на рационализации событий. Таким образом, если в древности миф являлся эквивалентом науки, то современный миф является ее продуктом.

Говоря о сталинском мифе, стоит отметить, что основой для нарастания мифов стали некоторые факты сталинской биографии, как, например, деятельность Сталина как подпольного революционера в Грузии, его деятельность в период Гражданской войны, его связь с Лениным. Тем не менее современный миф не всегда опирается на реальные события. Первоосновой мифа может служить заведомая фальсификация, вымысел, а часто — и более ранний миф.

Современный миф обрел поведенческий характер. Хотя как форма знания он утратил свою актуальность, как побуждение к действию он не исчерпал свои возможности, что сближает его функцию с пропагандой. После Нового времени миф утрачивает свой традиционный познавательный характер, который давал некую модель для разрешения противоречий, требующую связного и художественного организованного сюжетного построения, эпического или драматического. Для Барта современный миф «не более чем фразеология, набор фраз, стереотипов; миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое» [1. С. 15].

Для традиционных мифов естественным способом жанрового бытования были эпические произведения, песни и трагедии. Современный миф высказывается не только в повествовательных формах, но и в виде дискурсов. Миф оформляется как дискурс, а не как повествование, и этим определяется различие в художественных функциях первобытного и современного мифа. Образ Сталина, вступающий в дискурс такого рода, описанный М. Фуко и Р. Бартом, оказывается на полотнах, на страницах книг, независимо от жанра и содержания, на экране и в прессе, в политических лозунгах, в названиях городов, улиц и заводов. На этот счет А. Твардовский, главный редактор литературного журнала «Новый мир», отмечал, что «с 1936 года каждый номер открывался портретом Сталина, сказом о Сталине и песней о Сталине» [9. С. 26].

Литература стала опорой и средством мифологизации. В данном художественном дискурсе канонизировались нормативные составляющие образа, из которых М. Чегодаева выделила пять постоянных и основных признаков: 1) Сталин — великий революционер; 2) Сталин — это Ленин сегодня; 3) Сталин — великий государственный деятель, вождь и учитель; 4) Сталин — великий полководец; 5) Сталин — мудрый хозяин страны, отец своего народа [7. С. 10]. Как правило, искусство в каждом конкретном произведении выделяло одну из этих граней. Эти признаки связываются между собой хронологической последовательностью и закономерностью.

Примечательным, при целостном рассмотрении образа Сталина в искусстве периода культа личности, оказывается тот факт, что славословия слагаются, опираясь в основном на фольклорные мотивы. В этом отношении ту огромную роль, которую сыграла не столько художественная литература, сколько фольклор, несравнима ни с чем, за исключением, может быть, советского искусства кинематографии. Фольклор, адаптируясь к новым обстоятельствам советской действи-

тельности, вдохнул жизнь в сталинский миф, способствовал возникновению новых жанров народного словесного творчества, такого как «новины».

Соответственно, элементы традиционной мифологизации обнаруживаются в литературных сюжетах народных былин и сказов, где центральными категориями являются эпическое, героическое, высокое и т.п. Народные песни о Сталине представляются высокостилизованными в языковом и образном отношении, выражающими узкий и отчетливо ограниченный спектр чувств: радость, счастье, благодарность, благоговение, гордость и преданность, а также неповиновение врагам. Здесь нет место сатире и юмору, как и трагическому, драматическому, которые появляются в соцреалистических романах.

В народных песнях и сказах главенствуют лиризм и романтизм, органично вписывающихся в сталинскую легенду, где эпитеты и образы, определяющие лидера советского народа, сходятся с богословием: Сталин — отец, солнце, свет, звезда, сокол, орел. Истоки образности находятся скорее в сельском народном творчестве, чем в утонченном и профессиональном литературном творчестве современной городской советской жизни. Данный жанр массово развивался на всех языках советских республик.

Ярким примером здесь служит творчество казахского народного поэта Джамбула Джамбаева. Его фигура подавалась властями в образе восточного мудреца-аксакала, приветствующего новый строй и его людей. В то время он стал самым уважаемым акыном Казахстана, так как он создал произведения, проникнутые советским патриотизмом и пафосом коммунистических идей, за что ему присвоили Сталинскую премию второй степени.

Как бы то ни было, помимо народного творчества, канонизации и основательному развитию образа Сталина, типического и характерного для периода культа личности, дала политика в области искусства и культуры, а прежде всего вклад профессиональных поэтов и прозаиков (1). Как говорил П. Юдин, «у нас есть Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов. А в художественной литературе у нас нет еще показа людей такого великого ума и революционного размаха, как наши вожди. Дать образ этих людей в литературе надо обязательно» [7. С. 9]. Эта мысль утверждается в речи выступления писателя Вс. Вишневского на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.: «культу сверхчеловека, который развивается в Германии, культу “сына неба”, который развивается в Японии, мы противопоставим образ подлинного пролетарского вождя — простого, спокойного вождя-человека. Это можно сделать хорошо, это нужно сделать» [4. С. 118]. Советская литература придала образу Сталина стереотипичность и шаблонность. Это прослеживается в авторских песнях той эпохи М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, С. Михалкова и многих других стихотворцев. Этот «жанр» отличается простой и заурядной мыслью, простыми и отчетливо узнаваемыми образами. Вместе с тем простота и заурядность характеризуют и собственную политическую речь Сталина, и сейчас становится заметно, что скудность образности этих песен и поэм зеркально ее отразила.

Е. Добренко доказывает, что художественная литература о вождях, будучи насквозь мифологизированной, никогда не создавала мифов, но иллюстрировала, расписывала в лицах и чувствах уже готовые сюжеты, которые создавались исто-

рией и политической риторикой того времени. В этом заключается функция современной мифологии, как было сказано Р. Бартом, она является продуктом истории, т.е. логически умопостигаемой науки. Самым главным таким «метатекстом» явилась «Краткая биография И.В. Сталина» и «Краткий курс истории КПСС». Метатекст, т.е. текст не художественный, а политический дискурс задает тезис — искусство его «разрабатывает».

Практически нет ни одного момента в мифологии о Сталине, который не был отражен, проиллюстрирован в «житийной» литературе о нем: «литература излагала писание в лицах, переводя его с языка понятий на язык диалогов и “переживаний” в формах самой жизни» [7. С. 20]. Сталиниана репродуцировала и воспроизводила все те очевидные исторические фальсификации, которые уже были заложены в самом «метатексте». Самое интересное, что с особой силой мифологизировались и превозносились именно те черты Сталина и «факты» истории, которые были откровенно сфальсифицированы. Вторичная мифология литературы, воссоздавая уже перевосозданную жизнь, создавала некую вторую реальность.

Следовательно, особенно в ранний советский период для государства разница между историком и писателем с точки зрения их функционального предназначения в обществе была не столь велика — тот и другой описывали строительство советской действительности и воспитывали на его примере молодое поколение. Е. Добренко отмечает: «советский историк — одна из разновидностей советского писателя», а советский писатель был не только художником, но и исследователем, «вооруженным передовой наукой», по словам писательницы А. Антоновой [6. С. 37].

Данные высказывания указывают на очевидную связь исторического и художественного дискурсов, когда границы идеологического поля все больше проникают в художественное. Советская власть, размывая границы между художественным текстом и историческим исследованием, усилила влияние литературных нарративных конструкций на историографические сочинения с целью использования художественной деятельностью в качестве пропаганды. Преимущество художественного текста как средства пропаганды заключается в том, что он выражает сообщение власти художественными образами, которые часто подменяют, искажают и дают совершенно иную трактовку реальным фактам, составляющим историческую память. Литература способна мифологизировать реальность и деформировать коллективную память.

Главным признаком облика вождя была простота и эпичность, его поистине потрясающие простота и доступность. А. Толстой в статье, помещенной в «Правде» в 1939 г., дает меткую характеристику положительного героя эпохи, великого, но одновременно совсем простого. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм. Он всегда весел, остроумен, ровен и вежлив. Несмотря на величественность и гениальность правителя, он человек, у которого даже одежда, привычки и поведение такие же, как у простого, рядового советского гражданина, солдата, рабочего.

В целом, замечается, что Сталин не выступает главным героем в прозаических произведениях времен культа личности. Этот же принцип характерен и для дра-

матургии того времени, где он появлялся лишь в отдельных эпизодах. Подробно дается образ Сталина, не являясь, однако, центральным героем, в повести А. Толстого «Хлеб», в романах «Пархоменко» Вс. Иванова и «Счастье» П. Павленко, а также в пьесе «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Сталин в основном представлялся опосредованно, через восприятие вымышленных литературных героев. Более развернутые художественные образы вождя, с другой стороны, делают акцент на монументальность, что отчетливее прослеживается в живописи и зодчестве того периода.

Как писал М. Геллер: «Важнейшую роль в создании культа Сталина, в его распространении, в его внедрении в душу советских людей сыграла советская литература, советские писатели. Многие из них стали жертвами Сталина, почти все из них стали его рабами, но это ни в коей мере не снимает с них ответственность за превращение вождя партии в вождя народа, а вождя человечества — в Бога» [2. С. 33]. В круг поэтов, которые «стали его рабами» и восславили Сталина в русской поэзии, вошел и Б. Пастернак в 1936 г. двумя стихами, опубликованными в газете «Известия». В одном из них мы находим основополагающую мысль Вс. Вишневского о вожде-человеке:

...А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек, — деянье
Поступок ростом с шар земной.

Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел.
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.

В собрание сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетия так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.

Но он остался человеком
И если, зайцу в перерез
Пальнет зимой по лесосекам,
Ему, как всем, ответит лес.

Е. Громов отмечает, что во времена Хрущева и Брежнева эти стихотворения стыдливо замалчивались и не воспроизводились в издаваемых сборниках поэта; в собрании его сочинений они даны не в основном тексте, а в примечаниях [4. С. 250]. Пастернак внес свою лепту в сталинском мифотворчестве, но из-за сложности художественной мысли и образов они не поддавались пропагандистскому использованию. Такая же «рабская» судьба была и у А. Ахматовой.

Находясь в воронежской ссылке, Осип Мандельштам пишет сложную по мысли и по лексике «Оду»:

...Я и не другой — ему народ родной —
Народ-Гомер хвалу утроит.
Художник, береги и охраняй бойца:

Лес человечества за ним поет, густея,
Само грядущее — дружина мудреца
И слушает его все чаще, все смелее.

Он свесился с трибуны, как с горы,
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светить близко...

Глазами Сталина раздвинута гора,
И вдаль прищурилась равнина
Как море без морщин, как завтра из вчера —
До солнца борозды от плуга исполина.

Тем не менее, если учитывать стереотипы и восприятие простой общественной психологии, стихи Пастернака и Мандельштама не вписываются в соцреалистическую картину. Сталину были нужны стихи другого типа — простые по языку и однозначные по смыслу, поскольку, осмысливая политическую и общественную обстановку эпохи, характер соцреализма имеет два фундаментальных основания: социально-психологическое, которое определяется обществом, и культурное, отражающее все свойства коммунистического мифа. В наше время соцреалистическое искусство воспринимается как отражение лозунговости и банальности этого мифа.

Характерными являются постоянные ссылки на определенные физические качества — его глаза, усы, пружинистая походка и признаки внешности правителя: его знаменитая дымящаяся трубка, хромовые сапоги, полувоенный френч — все эти атрибуты вождя превратились на страницах художественной литературы в объекты-фетиши. Е. Громов отмечает, что «Иосифу Джугашвили было в некоторых отношениях легче обрести этот имидж, чем другим членам ленинского Политбюро. Троцкий любил носить кожаную (комиссарскую) тужурку и армейские сапоги. Может быть, они шли ему, но нередко он казался несколько ряженым — интеллигентом, принявшим не свойственный ему облик. Сталин воспринимался словно родившимся в таких сапогах. Полувоенный френч, фуражка являлись его органичными атрибутами» [4. С. 193].

В этот период, помимо образа Сталина в стихах и песнях, в советской литературе, и в особенности в историческом романе выстраивается образ идеального правителя и синхронно идеализируется главный герой. Этой цели служили исторические романы, написанный в основном в 1940-е гг.: «Петр Первый» А. Толстого, «Иван Грозный» В. Костылева, «Дмитрий Донской» С. Бородина, в которых новая трактовка «государственной» темы раскрывается максимально полно. Все они были удостоены Сталинской премии. Царь, как у А. Толстого, так и у В. Костылева выступает защитником народных интересов, смотрящим далеко вперед, на перспективу, но способным понять нужды народа. Он обладает такими же качествами, как и политические вожди революции — Ленин и Сталин.

Личность и стиль правление Сталина повлияла на построение конкретных литературных образов императоров. Петр I стал в это время излюбленным героем исторической беллетристики. При этом писатели прибегали к созданию

государственного мифа, заключавшегося в идеализации Петра I, задачей которого являлась формирование в массовом сознании образа царя общенационального, отца народа, реформатора, попечителя и блюстителя порядка [3. С. 94]. Параллельно происходит культивирование авторитета лидера, превращение его в несменяемого вождя, которому пропаганда придает экстраординарный, харизматический ореол всеведущего и непогрешимого вождя.

Художник Ю. Анненков был совершенно прав, говоря Ленину, что будущее наказывает художников, творящих легенду, противоречащую правде. Так было с массой художественных произведений сталинского периода—они были устранены в период «оттепели» в связи с «ложными представлениями в результате культа личности», когда образ Сталина сразу исчезает из советского искусства.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Достаточно полное современное собрание стихов самых известных советских и русских поэтов с параллельной публикацией шести стихотворений самого Сталина: Золотая книга: стихи и песни о Сталине: советский плакат 1930—50-х гг.: творческое наследие И. Джугашвили. Сост. Барышев В.Ю. М.: Чента, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт Ролан*. Мифология. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. 320 с.
- [2] *Геллер М.* Из заметок о Сталине и Сталинизме (о политике и литературе) // Сталинский диптих / Сост. Л. Геллер. М.: МИК, 2011. С. 7—125.
- [3] *Гордина Е. Д.* История и идеология: путь развития советской исторической романистики и формирование массового сознания в 1930 — н. 40-х гг. Нижний Новгород, 2009. 174 с.
- [4] *Громов Е.* Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.
- [5] *Девлин Дж.* Миф о Сталине: развитие культа // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 6. М., 2009. С. 213—240.
- [6] *Добренко Е.* Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. — М.: НЛО, 2008. 424 с.
- [7] *Добренко Е.* Сделать бы жизнь с кого? (образ вождя в советской литературе) // Вопросы литературы. Сентябрь, 1990. С. 3—34.
- [8] *Сарнов Б.* Сталин и писатели. Книга четвертая. М.: ЭКСМО, 2011. 1184 с.
- [9] *Marsh Rosalind.* Images of dictatorship: Stalin in literature. L., NY: Routledge, 1989. 811 p.
- [10] *Ziolkowski Margaret.* Literary Exorcisms of Stalinism: Russian writers and the Soviet past. Columbia: Camden House, 1998. 204 p.

THE STALIN'S MITH: OFFICIAL IMAGE OF THE LEADER AT THE LITERATURE OF SOCIALIST REALISM

I. Papadopoulou

People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article explores the construction and the representation of the portrait of the leader in the Soviet literature of the Stalin era. The origins of the official image of Stalin are examined under the

prism of the analysis of the modern mythologizing, as it has been described by Roland Barthes. Furthermore, we explore some of the peculiarities of the Soviet literature in the construction and strengthening of the personality cult, where the method of socialist realism has gained the function of a social institution, which, like the myth, re-creates the reality, stating that “beautiful — this is our life.” The article is written with the purpose of systematizing what has already been examined by other researchers and has a total basis, establishing the interrelation between the factors of the field of literature with the field of ideology and the field of power.

Key words: political myth, the image of Stalin, socialist realism, personality cult

REFERENCES

- [1] BartRolan. *Mifologiya* [Mythology]. Moscow, Sabashnikovyykh Publ., 1996, 320 p.
- [2] Geller M. Iz zametok o Staline i Stalinshchine (o politike i literature) [Notes on Stalin and Stalinism (about politics and literature)] // *Stalinskii diptikh* [The Stalin's diptych] Editor Geller L. Moscow, “MIK” Publ., 2011, pp. 7—125.
- [3] Gordina E.D. *Istoriya i ideologiya: put' razvitiya sovetskoi istoritseskoi romanistiki iformirovanie massovogo soznaniya v 1930 — n. 40-kh gg* [History and ideology: the development of soviet historical novel and the formation of mass consciousness in 1930s-beginning of 1940s]. Nizhnii Novgorod, 2009, 174 p.
- [4] Gromov E. *Stalin: Vlast' i iskusstvo* [Stalin: Power and art]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 495 p.
- [5] Devlin J. Mif o Staline: razvitie kul'ta [The myth about Stalin: evolution of the cult] // *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy.* [Proc. Russian school of anthropology] issue 6. Moscow, 2009, pp. 213—240.
- [6] Dobrenko E. *Muzei revoliutsii: Sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of revolution: the soviet cinema and the Stalinist historical narration]. Moscow, NLO Publ., 2008, 424 p.
- [7] Dobrenko E. Sdelat' by zhizn' skogo? (obrazbozhdy v sovetskoi literature) [From whom to make life? (the image of the leader in the soviet literature)] // *Voprosy literatury* [Questions of literature]. September 1990, pp. 3—34.
- [8] Sarnov B. *Stalin i pisateli. Kniga chetvertaya.* [Stalin and writers. Forth book]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 1184 p.
- [9] Marsh Rosalind. *Images of dictatorship: Stalin in literature.* L., NY: Routledge, 1989, 811 p.
- [10] Ziolkowski Margaret. *Literary Exorcisms of Stalinism: Russian writers and the Soviet past.* Columbia: Camden House, 1998, 204 p.